

Стихи **Эдуарда Гольдберга**

Я стою на пристани

Я стою на пристани,
жду корабль с севера,
вглядываюсь пристально
в гладь морскую серую.

Вижу лес заснеженный
и поля в сугробах,
северянок нежных,
мужиков огромных.

Лица краснощёкие
вовсе не от грима.
На церковной площади
проводят зиму.

Каруселью кружится
хоровод цветастый,
на морозе студится
чучело мордастое.

Дети веселятся,
шум стоит и хохот,
и с горы потешной
катятся горохом.

А блины горячие
с пылу, с жару, с дыму
поедают граждане,
проводят зиму.

А я стою на пристани,
жду корабль с севера.

Ветер

Распахнул я окно,
ветер с моря ворвался,
в грудь ударил
упругой горячей волной,
терпкой пеной густой
по лицу расплескался
горьковато-солёный
шершавый настой.
Я люблю этот ветер,
с наркотиком схожий,
он дурманит меня
и несёт за собой
в мир иной,
совершенно на наш
не похожий,
фантастический мир,
вперемешку с мечтой.
С ним лечу я по странным
загадочным странам,
таитянок гогеновских
я обнимаю в ночи
и на острове Пасхи
стою истуканом,
наподобие чёрной
погасшей свечи.
У Мадонны младенцем
лежу на коленях,
тёплый запах груди
пью в захлёб, как нектар,
с Сальвадором Дали
я витаю в виденьях,
разжигая безумных
желаний пожар.

Распахнул я окно...

★ ★ ★

Ходит-бродит вслед за мною
тьнь давно ушедших дней,
тянет, тянет за собою
нити памяти моей,

то с друзьями засмеётся,
вспомнив старый анекдот,
то за честь мою дерётся,
то печальна от невзгод,

то рыдает над могилой
дорогих моих людей,
то в саду прижмётся к милой
первой девушке моей.

Так и бродит вслед за мною
тьнь давно ушедших дней,
тянет, тянет за собою
нити памяти моей.

Ссылка

Душу рванул паровозный гудок,
поезд пошёл на Дальний Восток.
Медленно песню запели колёса:
дан-дан, дан-дан...
Едут евреи в Биробиджан.

Дан-дан, дан-дан...
Едет с семьёй старик Либерман,
в так головою качает седой.
«Крутится, вертится шар голубой»

В тамбуре курит махорку Арон,
на гимнастёрке след от погон,

на гимнастёрке, как на парад,
дырки пробиты военных наград.

Дан-дан, дан-дан...
На гимнастёрке шрам от осколка,
колет тоска

сердце ржавой иглой.
Дан-дан, дан-дан...

Муха жужжит, ударяясь в стекло,
мухе, конечно же, не повезло:
рвётся она в свободный полёт.
А поезд всё дальше

идёт и идёт...
Дан-дан, дан-дан...

Пролетела жизнь

Моя улица неприметная
поросла лопухом и крапивою,
здесь прошло
моё детство светлое,
беззаботное и счастливое.

По дороге, травой заросшею,
вышел я
на большак асфальтовый
в пиджаке
и в брюках заношенных
в город мраморный
и базальтовый.

Замелькали годы событиями,
зазвенели колоколами,
неожиданными открытиями,
фантастическими мечтами.

Прогремли военными грозами,
заводскими

пропели станками,
улетели белыми грёзами,
за высокими

скрылись горами.

Где ты, улица неприметная,
где речные тихие заводы?

Пролетела жизнь,
не заметил я,
всё осталось,
но только в памяти.

Праздник Победы

Поёт старик,
без голоса, без слуха.

Поёт мелодию
давно ушедших лет.

На кухне возится
жена его старуха,
картошку с луком
жарит на обед.

А он мычит
печальную «Землянку»,
а память тянет
поезд на восток.

На привокзальной площади
цыганка

пообещала:
- Будешь жить, сынок.

Болит культя.
Бинты кровавит рана.

Костыль подмышкою
натёр большой волдырь,
торчит бутылка спирта
из кармана,

что на прощанье
сунул командир.

Плетётся поезд
с красными крестами,
в нём кровь и боль –
войны жестокий след.

В бреду солдат на нарах
рвётся к маме,
слепой сержант кричит:
- Зажгите свет!

Поёт старик,
без голоса, без слуха,
поёт мелодию военных лет.
На кухне возится
жена его старуха,
готовит мужу
праздничный обед.

День памяти

Люди стоят
в тяжёлом молчании,
сирена тревогою бьёт в набат.
В каждой душе боль и отчаянье
за тех, кто к нам
не вернётся назад.

Замерло всё,
даже ветер притихший
не шелестит

на деревьях листвою,
чтобы услышан был

каждый погибший
на перекличке этой святой.

Люди стоят
в том далёком и близком.
Время сиреной
повёрнуто вспять.

Люди стоят живым обелиском.
Люди стоят. Люди будут стоять.

Перакт

Взрыв...
Тишина наполнилась криками.
Дым, пыль и пепел
сгустили воздух.
Воют тревожно
сирены заиками.
Стон. Плач.
Предсмертный вздох.
Сердце качает
кровавую смесь,
мозги разрушая давлением.
Сплелись в страшный комок
жизнь и смерть
в одно роковое мгновение.
Раздутый автобус
лопнувшей жабой
выплакал слёзы
осколками стёкол,
сгорбилась пальма
плачущей бабой.
Сколько их? Сколько их?
Сколько?!

★ ★ ★

Звезда упала на крышу дома.
Родился мальчик.
Назвали Сёма.
Потом упала звезда другая.
Родилась дочка.
Назвали Рая.
- Какое счастье! –
сказала мама, -

быть может, Бог нам
пошлёт Абрама?
А что такого?
Не будет хуже.
Я знаю точно:
Абрам нам нужен,
и Сара тоже
нужна нам очень.
Схожу к равнине:
пусть напороочит.
А через годик,
как по заказу,
родилось двое
малышек сразу –
Абрам и Сара.
Так символично.
Без них евреем
быть неприлично.

Станция детства

Я приеду
на дальнюю станцию детства
возле леса,
где старый родительский дом.
Это всё, что оставил
мне папа в наследство,
занимаясь нелёгким
крестьянским трудом.
Я умоюсь
живою водой из колодца,
обожгусь
голубою студёной волной,
по лицу, по рукам
она разольётся
и на землю стечёт
серебристой строкой.

Я вдохну полной грудью
лесного настоя,
прелых листьев,
янтарной сосновой смолы,
и закатное солнце,
кроваво-густое,
разукрасит
могучих деревьев стволы.
Я залезу
на верхнюю кладь сеновала,
лягу в мягкий,
душистый, цветочный покой
и усну до утра,
как когда-то бывало,
когда летняя ночь
не пускала домой.

Летняя ночь

Ночь.
Луна пятном несмелым
освещает спящий лес.
Дряхлый пенёк горбом горелым
на пригорок синий влез.

От деревьев на поляне
тени пишут свой пейзаж,
еле виден, как в тумане,
золотистый дикий пляж.

Чуть ворчит волна речная,
спотыкаясь на камнях,
фиолетово-седая
мгла запуталась в ветвях.

На скамейке листья дуба
кошкой рыжей улеглись,

клён дуплом,
как ртом беззубым,
тихо шепчет кошке: брысь!

На столбе фонарь качает
свой болотно-ржавый свет,
красный в крапинку мелькает
мухоморовый берет.

Тишина непрочной ниткой
шьёт таинственный покой,
на ветру скрипит калитка
тонкой нежною струной.

Читая Есенина

Когда осенний ветер
дышит стужей
и снег, и дождь
со всех сторон летят,
и чернотой сияющие лужи
зрачками мутными
на небеса глядят,
в такие дни
я, право же, не знаю,
да и ответ на это не ищу,
твои стихи я по ночам читаю,
и с ними о прошедшем я грущу.
И, как тебе,
мне тоже часто снится
у тихой речки
старенький наш дом
и та «страна берёзового ситца»,
распятая усатым мудрецом,
и стая вороватых
жадных галок,
затеявших о чём-то

шумный спор,
ромашек поле –
девичьих гадалок,
и сгнивший
покосившийся забор.

Раннее утро

Рассвет в полях дымит туманом,
и в зябкой свежести дорога,
и сторож спит в тулупе драном
у магазинного порога.

Чуть-чуть рябит вода в речушке
и шевелит траву-осоку,
а где-то далеко кукушка
перекликается с сорокой.

Дома ещё в дремотной неге
в тени деревьев окна прячут,
а возле сломанной телеги
котёнок серый жалко плачет.

Журавль-колодец, вскинув шею,
напрягся в предполётной стойке,
встречает утро пень замшелый,
идут доярки к первой дойке.

Рассвет парит, травую мокрой
идёт по спящей деревушке,
а где-то далеко сорока
перекликается с кукушкой.

Вера, Надежда, Любовь

Мне любовь подарила
прекрасная леди,
у неё голубые глаза
и волосы цвета меди,
грудь большая,
примерно восьмого размера,
и зовут её Вера.

Мне любовь подарила
красотка Надежда,
у неё золотая коса
и цветная, из шёлка, одежда.
Всем она хороша,
но признаюсь,
частенько бывает:
не всегда обещанья
свои выполняет.

Мне любовь подарила
суровая дева Любовь.
Эта дама,
простите за рифму,
попортила кровь.
С ней порою
достаточно сложно,
но и жить без неё,
ну, никак невозможно.

Не могу разобраться,
кто дороже из них.
И живу я с тремя,
и делю
всё, что есть у меня,
на троих.

★ ★ ★

В пору
мною любимого времени
я рубашку сошью из сирени,
а штаны –
из больших подорожников,
чтобы были
торжественно строже,
лопухов соберу я охапку
и скрою себе модную шапку,
на пальто я нарву лебеду
и к тебе на свиданье приду!

Ты наденешь
жакет из ромашки,
юбка будет из розовой кашки
и накидка,
чуть жёлтая, нежная –
из весенних цветов,
из подснежников!
А перчатки
на тоненьких пальчиках –
из пыльцы
золотых одуванчиков.

Солнце выйдет
в оранжевой блузе,
улыбнётся
широкой улыбкою!
Зазвучат небеса
светлой музыкой,
и любовь запоёт
тихой скрипкою!

Влюблённый қолхозник

Весна

Закурю махорку,
выйду на крыльцо
и подставляю солнцу
хмурое лицо.
Пусть оно разгладит
зимние морщинки,
я хочу понравиться
продавщице Зинке.
Март щекочет душу,
что-то мне неймётся.
Провожая стужу,
солнце щедро льётся.
Льёт тепло на землю,
моё тело тает,
Зинка-продавщица
этого не знает.
Зинка-продавщица,
как цветок, прекрасна,
по ночам мне снится,
видно, не напрасно.

Лето

Лето смотрит на меня
радужными красками,
голосами птиц звеня,
манит в лес за сказками,
манит в поле и на луг.
Там земля цветочная,
и, куда ни глянь, вокруг
всё такое сочное,
брызжет соком молодым,
ароматом дивным,

горьковатым, чуть хмельным,
запахом крапивным.
Лето смотрит на меня
трепетной осинкою,
наконец, решился я
объясниться с Зинкою.
Вижу, вот идёт она,
точно налитая,
только жаль, что не одна,
с ней сестра родная.
Я гляжу им нежно вслед,
сердце замирает,
завтра, может быть, в обед
Зинка всё узнает.

Осень

Разлил ноябрь
грязь и слякоть.
Дождей унылых череда,
что хочется
напиться и заплакать,
да не на что...
Такая вот беда.
Куда крестьянину податься?
Нигде теперь не нужен он.
Пойти, что ль,
по сусекам покопаться
да наварить
с махоркой самогон?
Отбить себе мозги
похабным зельем,
не думать ни о чём,
живя в бреду,
а утром,
мучаясь лихим похмельем,
допить густую

скользкую бурду?
Или пойти,
набить соседу морду,
чтоб не таскал
с задворок мой навоз?
А то упрёт
и ходит мимо гордо,
а его за денежки привёз.
Или пойти
к своей подружке Зинке?
Хотя меня,
наверняка, не ждут.
Да посмотреть журнал,
где есть картинки,
что дыбом
даже волосы встают.
Куда крестьянину податься?
Теперь нигде не нужен он.
Пойду всё ж
по сусекам покопаться
да наварю
с махоркой самогон.

Зима

Зима, мороз, метелица,
унылое житьё.
Корова, блин, не телится,
задрал бы волк её.
Ветеринар-хапуга
прийти пообещался,
да днём у Васьки-друга
до чёртиков надрался.
Снег валит третьи сутки,
не кажет носа пёс,
лежит в собачьей будке
лохматый друг Барбос.

Тоска, тоска зелёная,
сиди, на стены вой,
у Зинки грудь ядрёная,
волнует мой покой.
У Зинки глазки светятся,
как светлячки в ночи.
Я так хочу с ней встретиться,
хоть караул кричи.
Позёмка низом стелется,
сугробы до бедра.
Корова, блин, не телится,
а ей давно пора.

Загляну-ка в гости я

Загляну-ка в гости я
к дорогой подруге,
пока тихо, снег идёт,
пока нету вьюги.
Я останусь до утра.
Ночь не для прогулок.
Ночь – тревожная пора.
Да вот, и переулочек.
Тут налево, за углом,
телефон разбитый,
тротуар глубоким рвом
год как перерытый.
Фонарей в помине нет,
темнота кромешная,
оставляют чёрный след
хулиганы здешние.
Я, конечно же, не трус,
но скажу, ребята,
здесь один ходить боюсь,
как-то страшновато.
Да вот её знакомый дом,
штукатурка лупится,

и авоськи за окном
изморозью пудрятся,
пьяный парень на виду
у подъезда мочится,
но я всё-таки иду,
очень в гости хочется.

★ ★ ★

Брюки нагладил.
Бреюсь тщательно.
Рубашка на стуле
белеет облаком.
Красивым мне надо быть,
обязательно!
Я сегодня стихи читаю
в клубе одном.

Сказали, машину пришлют
ровно в пять.
Надо ко времени
быть в порядке.
Галстук придётся перевязать
и найти со стихами
тетрадки.

Кажется, всё.
Я почти готов.
Только туфли
ещё почищу.
Мне вчера говорил
поэт Петров:
- Ты не волнуйся,
дружище.

Телефон зазвонил:
- Выходите,
машина стоит у подъезда.

И я пошёл,
красивый, как видите,
почти побежал
по лестнице резво.
Вы меня не судите строго,
не называйте
словами обидными.
Я выхожу
на большую дорогу.
Я сегодня выступаю
перед поэтами видными.

★ ★ ★

Паровоз загудел,
тихо двинул колёса,
поднатужась сильнее,
тихо двинул состав.
Задымилась труба
большой папиросой
на поднявшийся вверх
семафора рукав.
Я мечтал по ночам
в общежитии тесном,
что однажды уйду
открывать города
и, конечно же, стану
поэтом известным,
но на поезд, на тот,
опоздал я тогда.
Он ушёл и исчез
за берёзовой рощицей,
и затихли ритмичные
стуки колёс,
но бывает, порой
мне догнать его хочется –
паровоз моих юных
несбывшихся грёз.

★ ★ ★

Я живу
среди борьбы и брани.
Всё кому-то должен,
всё спешу.
С застарелой
пустотой в кармане
лошадью запаренной
дышу.
А хотел бы просто так,
не ради,
просто жить
для самого себя,
как живёт крапива
при ограде
или одуванчик
возле пня.
Жизнь летит
зашоренною птицей
и несёт к порогу, в никуда.
Надо иногда
остановиться,
оглядеться надо иногда,
разглядеть
в её причудной страсти
радость
разгоревшегося дня
и отдаться
всемогущей власти
жизненного светлого огня.

Ступени

Ступени, ступени...
Ступени, как клавиши.
У каждой ступени
звучанье своё...

Ступенька вверх,
ступенька вниз,
ступенька – грех,
ступень – сюрприз,
ступенька радостных удач,
ступенька горя –
горький плач.
Ступень надежды и мечты,
ступенька славы, суеты,
ступенька ненависти, зла,
ступень любви...
Она была.
Ступень – разлука и печаль –
ступенями уходит вдаль.
И, как намечено судьбой,
не обойти их стороной,
не просчитать их наперёд!
А жизнь идёт, идёт вперёд...

Ступенька вверх,
ступенька вниз...
Стремление вверх –
вся наша жизнь!

Уральские горы

Есть горы Памира,
есть горы Кавказа,
есть много других,
где я не был ни разу.
Ну что ж, не сложилось,
не довелось,
хотелось, конечно, -
не удалось.

Зато, я родился
на Южном Урале!

Какие места там,
если б вы знали,
какие озёра
с целебной водой,
а воздух пропитан
уральской сосной!

А горы, в зелёных
косынках нарядных,
одна за другую
ведут хоровод.
И музыка льётся
гармошкой трёхрядной
под чистый, высокий,
живой небосвод.

Я эти места
получил по наследству.
Вон там, за пригорком,
прячется детство.
А здесь, за утёсом,
в озёрной волне
русалка однажды
привиделась мне.

А в юные годы
ходил на закате
ловить светлячков
для девочки Кати!
На Лысой горе
искал самоцветы.
Бродил по лесам,
встречал там рассветы.

Родная земля,
любимый мой край,
мои дорогие
родные просторы,

мой древний, седой,
золотой Таганай.
Уральские горы!!!
Уральские горы!!!

Время моё...

Время нас лечит, время калечит,
время идёт, бежит и ползёт,
время нас учит,
чем дальше, тем круче,
время по жизни, как парус несёт.

Время моё разукрашено красками:
жёлтою, чёрной,
коричневой, красною –
залито солнцем и тёмным колором.
Было свободное и за забором,
было понятное, смутное, сложное,
было спокойное, было тревожное,
было суровое, было и нежное,
жаркое было, было и снежное.
Да и теперь разукрашено радугой.
Только хотелось
побольше бы радости!

Бесконечность

Бесконечность не любя,
знаю я, что в этом мире
бесконечен буду я
в нашей замкнутой квартире.

Бесконечность – это круг
без конца и без начала,
это значит, что вокруг
нет заветного причала.

Бесконечность – это тьма
беспросветного виденья,
это вечная тюрьма
без желанья, без сомненья.

Бесконечность под луной –
эта блажь бесчеловечна.
Но хочу, чтобы со мной
ты была повсюду вечно.

★ ★ ★

Не допито вино.
Я стою у окна.
Было всё, как в кино:
и любовь, и весна.
А теперь тебя нет,
а за стёклами снег.
Я спросил у планет:
- Где ты, мой человек? –
А планеты молчат,
им на нас наплевать,
а часы всё стучат,
и не хочется спать.
Снег идёт всё сильней,
и фонарь – как луна...
на гитаре моей
оборвалась струна...

★ ★ ★

Задул огонь души
сквозняк открытой двери...

Светлая

память...